

На правах рукописи

Уваров Павел Борисович

**ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И КОГНИТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Специальность 07.00.09 - «Историография, источниковедение
и методы исторического исследования»

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск – 2010

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории и методики преподавания истории ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

Научный консультант – доктор исторических наук,
профессор
Загребин Сергей Сергеевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Рыженко Валентина Георгиевна

доктор исторических наук,
профессор
Нарский Игорь Владимирович

доктор исторических наук,
профессор
Кондрашева Маргарита Ионовна

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Московский
государственный университет
им. М.В. Ломоносова»

Защита состоится «29» октября 2010 г., в 11-00 часов на заседании Диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. 244).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И.Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Современная Россия вновь, как и в XVIII - начале XX вв., вступает на путь модернизации с характерными для нее экономическими, политическими и культурными особенностями. На эту цель были направлены реформы, начавшиеся в конце 80-х гг. XX в. и продолжающиеся до сих пор.

Насущная времени историко-теоретическая экспертиза проблем модернизации России неизбежно обращает внимание нации к проблеме интеллигенции в отечественной истории.

Это связано с тем, что интеллигенция продолжает оставаться активным участником модернизации страны. Именно она демонстрирует цивилизационные ценности Запада внутри российского общества через сферы своей профессиональной деятельности (образование, наука, СМИ, искусство и т.п.). Степень ответственности, лежащей на ней, требует четкого научного осмысления границ ее реального воздействия на общество, а также природы ее собственных социально-исторических интересов.

Научное внимание к социальному феномену интеллигенции актуализируется и весьма динамичным ростом ее общего влияния в социуме на протяжении всего периода Нового времени. Технизация общества, развитие информационных технологий, высокая заинтересованность в инновациях усиливает ценность интеллектуальных ресурсов в экономике, фактически превращая интеллигента/интеллектуала¹ в универсального менеджера современной цивилизации, ее главного управленца. В современном, так называемом информационном, обществе интеллигенция, по мнению многих философов, политологов, социологов, становится ведущей социальной группой. Рост влияния и социальных возможностей интеллигенции заметно контрастирует с зыбкостью и неуловимостью ее научно-понятийного отражения. До сих пор нет четкого научного определения интеллигенции, статика которого давала бы ключ к динамике исторического существования данной общественной группы. Атрибуты принадлежности к интеллигенции часто выглядят противоречивыми, произвольными, оценочными по своему характеру. Кроме того, обращает на себя внимание крайне резкая поляризованность оценок места и роли интеллигенции: от откровенно комплиментарных до яростно-агрессивных. Свидетельством актуальности исследовательской тематики, связанной с

¹ Данный универсальный форма-термин заимствован у А.В.Квакина.

изучением явления интеллигенции служит постепенная кристаллизация новой научной дисциплины - интеллигентоведения. На наш взгляд, особая роль интеллигенции в модернизационных процессах востребует новые методы, которые наше исследование предлагает и апробирует.

Цель и задачи исследования. В связи с вышеизложенными актуализирующими моментами **целью** нашего исследования является выработка комплекса методов анализа интеллигенции, использование которых сформирует новую модель понимания интеллигенции как социо-культурного феномена в рамках историко-теоретического подхода.

В соответствии с заявленной целью должны быть решены следующие научно-исследовательские **задачи**: проанализировать методологические основания современной историографии в приложении к проблеме исследования интеллигенции в свете использования возможностей дедуктивных исследовательских программ; формализовать «дедуктивную археологию» как методологический комплекс, включающий в себя дедуктивно-моделирующий, дедуктивно-генетический и дедуктивно-структурный методы исследования; выявить и продемонстрировать когнитивные возможности дедуктивно-исторической методологии относительно актуальных проблем теории интеллигентоведения (природа явления интеллигенции, ее генезис, функции, корпоративные интересы).

При этом решение поставленных задач предполагает трехуровневую взаимосвязанную проработку заявленной исследовательской проблематики: *дискурсивный уровень*, обязывающий автора выстроить аргументированное рассуждение, в рамках которого анализируемое явление должно найти непротиворечивое, целостное отражение по следующим направлениям: а) природа интеллигенции, б) ее генезис, социальные функции, корпоративные интересы, в) диспозиция интеллигенции в общеисторическом контексте; *терминологический уровень*, обязывающий автора создать язык, придающий исследовательскому рассуждению качество открытой и прозрачной системы. При этом заявка на новизну еще более повышает требование к автору быть понятным и устанавливать ответственную коммуникацию с научным сообществом. Терминологическая задача может считаться выполненной при следующих условиях: а) основные положения научного рассуждения непротиворечиво выражены, б) «конвертируемы» на иной концептуальный язык, в) могут быть использованы другими авторами в рамках иных подходов; *методологический уровень*, обязывающий автора иметь в наличии ис-

следовательский инструментарий, соответствующий природе изучаемого и уровню сложности поставленной когнитивной задачи, при этом методологические основания должны быть заявлены открыто, не включать в себя скрытых допущений и, так же, как терминология, работать за пределами данного текста в рамках иных исследовательских программ.

В качестве **объекта** исследования рассматривается историческое и социокультурное явление интеллигенции как сфера применения новой методологии исторического познания.

Предметом исследования при историко-теоретическом подходе является конструирование и научная апробация комплекса методов, объединенных дедуктивно-историческим подходом, с учетом междисциплинарного взаимодействия с такими науками как культурология, психология, религиоведение, социология, философия, экономика и др. На основании привлеченных ресурсов в историко-теоретическом исследовании происходит взаимосвязанный процесс конструирования, исследовательского применения и оценки результатов использования новой методологической концепции.

Методологическая основа диссертации. В основе исследования лежит идея о коммуникативном основании исторического процесса, в русле которого историческое пространство рассматривается как пространство, осложненное включением в него человека, лишенного опоры на инстинктивную программу деятельности. Исходя из этого, историческое пространство представляет собой а) пространство переживания человеком неопределенности существования и, одновременно, б) потребности в обретении определенности существования, т.е. такого состояния, когда для него вполне ясным становится смысл существования и значимые параметры действительности.

Исходя из изложенного, исторически (и логически) предельны допустимы всего только два коммуникативных формата, две версии оперативной матрицы: определенностная (в форме религиозного видения мира) и неопределенностная (безрелигиозная). Оба допущения неопровержимы и являются стратегическими способами освоения действительности. В зависимости от господства того или иного варианта матрицы человек последовательно, в соответствии с его логикой, участвует в формировании реальности. Одновременно данное видение исторического процесса позволяет активно использовать в эпистемологической практике дедуктивные исследовательские про-

граммы (методологии), так как их операционная логика совпадает с логикой исторического процесса в его коммуникативной парадигматике.

Формирование коммуникативной теории исторического процесса и «дедуктивной археологии» как комплекса методов исторического исследования испытывало влияние наиболее продуктивных междисциплинарных методологических направлений современной эпистемологии науки: 1) идеи классиков научной эпистемологии второй половины XX в.: Т. Куна¹ (переход к «экстраординарной науке» в ситуации «научной революции»), К. Поппера² (выдвижение «метафизических исследовательских программ» предельно спекулятивных и непроверяемых) и П. Фейерабенда³ (критика условности методологических стандартов индуктивизма); 2) положения Дж.К. Хоманса о необходимости дедуктивной аксиоматики для социальных наук⁴; 3) концепция аутопоезисных (самопорождающихся) систем, оформленная нейрофизиологами Ф. Варелой и У. Матураной⁵, на основании которой Н.Луман⁶ предпринял создание общей теории социальных систем.

Научная новизна работы заключается в обосновании необходимости и возможности использования дедуктивной методологии в исторической науке, формализованной в исследовательский комплекс методов «дедуктивной археологии» и конкретизированной через взаимодействия моделирующего, генетического и структурно-дедуктивного подхода.

Кроме того, возможности предложенных эпистемологических оснований демонстрируются через обращение к сложным теоретическим проблемам интеллигентоведения, формируя новое представление о природе интеллигенции, ее генезисе, социальных функциях и корпоративных интересах.

Источниковая база. Использование термина «информационные ресурсы» вместо более привычных наименований, таких как «источники» и «литература по теме» связано, в первую очередь, со спецификой работы историко-теоретического характера. В рамках методологии исследования меняется взаимный статус «источников» и «научной литературы», так как работа, претендующая на широкие концептуальные обоб-

¹ Кун Т. Структура научных революций. - М., 1975.

² Поппер К.Р. Квантовая теория и раскол в физике. - М., 1998.

³ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. - М., 1986.

⁴ Хоманс Дж.К. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: Тексты. - М., 1996; С. 45-59; Homans G.C. The Nature of Social Science. - New York, 1967.

⁵ Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. - М., 2001.

⁶ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. - СПб., 2007.

щения и оперирующая предельными понятиями (смысл исторического процесса, первооснова, законы исторического развития и т.д.), находится в особых отношениях со своим исследовательским материалом.

Если традиционное конкретно-историческое исследование ориентировано прежде всего на сбор, систематизацию и смысловую обработку непосредственной исторической эмпирики, то историко-теоретическое исследование вынуждено для выполнения своей задачи опираться, в первую очередь, на результаты обработки первичного эмпирического материала, полученные другими исследователями. Современное историческое познание, в силу таких неизбежных для установившейся с эпохи Нового времени исследовательско-методологической парадигмы трудностей как быстрое увеличение объемов учитываемой информации и рост интерпретационной активности, вынуждено осваивать организацию и стилистику высокоспециализированного промышленного разделения труда. Получение нового знания становится практически невозможным без «конвейерной» организации научного производства, где сбор и обработка первичного фактического материала и конструирование теоретических положений взаимосвязаны, но четко дифференцированы в рамках исследовательской специализации. Такой своеобразный «научный конвейер» опирается на корпоративную исследовательскую солидарность и жестко тестируемое качество выпускаемого продукта. Речь идет не о создании изолированных групп «теоретиков» и «прикладников», а о необходимости выживания и результативной, нужной обществу науки в условиях усложняющейся информационной ситуации. При этом любой историк может выступать, в зависимости от обстоятельств, в русле разных специализаций, но в любом случае за системой солидарных специализированных научных взаимоотношений будущее исторического знания. В ином случае, исторической науке грозит существование без отчетливо теоретического компонента, так как любое развернутое концептуализированное исследование будет заведомо обречено на крах, либо по причине невозможности задать соответствующий такому исследованию формат, оставшись в масштабе конкретно-исторического, либо по причине поглощения эмпирикой при попытке «объять необъятное».

Необходимо уточнить, что вышесказанное не означает недооценки непосредственного источникового материала, а только указывает на более избирательное к нему отношение. Если конкретно-историческое исследование, в соответствии со своими задачами, стремится к максимально предельному овладению исторической феноменоло-

гией в выбранном масштабе, то историко-теоретический подход к отбору источников неизбежно дифференцирован. Статус главных смыслоорганизующих получают в исследовании источники, которые обладают аналогичным статусом в самой исторической реальности (например, священные тексты в рамках традиционного общества).

В зависимости от характера исследования меняются требования к его информационным ресурсам. Научно-исследовательская литература в конкретно-историческом труде в большей степени играет роль коррелята собственных изысканий, а в историко-теоретическом, напротив - предметного тела исследования.

В рамках данного исследования с заявленной внутренней тематизацией информационные ресурсы подразделяются на три группы: 1. интеллигенция (ее генезис, историко-социальная специфика и интересы); 2. исторические типы обществ (смыслообразующие принципы, структура, особенности); 3. коммуникативно-информационные стороны исторического процесса (теории коммуникации, место и роль информационного компонента в истории, возможности информационного воздействия на личность и социум).

Более подробная характеристика состояния информационных ресурсов по заявленному индексу дает возможность оценить степень разработанности проблемы как в целом, так и по отдельным моментам, что очень важно ввиду неизбежной неравномерности в развитии той или иной научной проблематики.

Именно рассмотрение и оценка возможностей основных групп наличных информационных ресурсов по теме исследования дает возможность гибко и точно оценить уровень ее разработанности на сегодняшний день, одновременно указывая на слабые и отстающие направления.

I. Информационные ресурсы по *проблеме интеллигенции* не только весьма обширны, но и отличаются наличием явной гносеологической трудности. В рамках этого информационного свода интеллигенция неизбежно является и объектом научного внимания, и его субъектом. В силу этого обстоятельства очень непросто в содержательном, а не в формальном смысле, проводить границу между исследовательскими и эмпирическими информационными сводами. Любой исследователь, работающий по данной проблеме и, согласно научным стандартам, занимая позицию внешнего, невключенного наблюдателя, одновременно, по своей корпоративной принадлежности, интересам и ценностям, находится внутри исследуемого пространства, а значит (пусть и бессознательно), наблюдатель оказывается ангажированным. Данная познавательная

трудность не снимается даже в рамках строго научного дискурса, так как сами стандарты дискурса, в том числе исследовательскую методологию, нельзя отделить от представлений и ценностей самой интеллигенции. Иными словами, любое исследование, посвященное проблеме интеллигенции, в то же время выступает в качестве документального источника о ней самой.

Тем не менее, попытаемся оценить уровень современных научных ресурсов по проблеме интеллигенции:

а) понятие «интеллигенция» - существующий на эту тему огромный пласт литературы не содержит в себе общепринятой научной дефиниции и даже единого методологического подхода к производству таковой. Большой ущерб в этой части научного поиска наносит активное использование внутренне неопределенных, эмоционально-оценочных по своей сущности определений. В последнее время на научных форумах нередко предложения не обсуждать проблему самого понятия интеллигенция, что лишний раз доказывает отмеченную трудность самоописания. При этом приходится согласиться с наблюдением М. Могильнер: «Определения предлагают социологи и философы, историки же либо пассивно их принимают, не замечая противоречий, либо вычлениают свой предмет эмпирически»¹. «Кризис перепроизводства» в такой важной части научного дискурса как терминологическая оснастка настоятельно требует новых организующих концептуальных подходов. Без этого наращивание эмпирики будет только увеличивать «смысловой шум» и, скорее, даже понижать уровень научного осмысления проблемы. Прав И.В. Сибиряков, заметивший в своем выступлении на научной конференции в Иваново: «Парадокс, но количество исследований, посвященных истории российской интеллигенции, растет, а количество новых продуктивных идей катастрофически падает»². Новое смысловое наполнение термина возможно только лишь при наличии качественно нового взгляда на историческую действительность, который не столько «уничтожает» понятийную разногласицу, сколько интегрирует ее в систему нового непротиворечивого существования;

б) проблема генезиса интеллигенции - неизбежно связана с проблемой понятия интеллигенции, так как плодотворно говорить о генезисе какого-либо явления можно

¹ Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – М., 1999.– С. 6.

² Сибиряков И.В. Интеллигентоведение на рубеже XXI в.: неизбежный кризис и пути его преодоления / И.В. Сибиряков // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы. Тез. докл. X-й междунар. науч.-теорет. конф., 22-24 сент. 1999 г.– Иваново, 1999.– С. 112.

только при условии, что это явление терминологически выделено и очерчено. Терминологическая непроясненность приводит к тому, что социальную группу, которую мы привычно обозначаем интеллигенцией, отдельные исследователи обнаруживают практически на всем протяжении мировой истории, прямо или косвенно утверждая мысль о ее вневременном характере¹. Правда, такой подход достигается за счет смешения в социально-историческом смысле интеллигенции и духовенства (узкий вариант) или интеллигенции со всеми сообществами и отдельными личностями, связанными с интеллектуализированной деятельностью (широкий вариант). В этом случае интеллигенция оказывается практически единственным социальным субъектом внеисторического плана, что выглядит весьма сомнительно в связи с откровенным нарушением принципа историзма, являющегося краеугольным камнем современной исторической методологии.

Вполне логично, что, как и в случае с терминологической разработкой понятия «интеллигенция», мы наблюдаем парадоксальную ситуацию - практически полное отсутствие специальных исследований по вопросу генезиса интеллигенции², и, наряду с этим, огромный корпус научных текстов, где эта тема затрагивается косвенно, по ходу рассмотрения иных, более важных для автора исследовательских проблем. В особенности это относится к научным изысканиям, посвященным таким историческим эпохам, как Возрождение, Барокко и Просвещение, а также имеющим отношение к истории науки и техники³.

Формально менее проблематично выглядит традиция рассмотрения генезиса отечественной интеллигенции, но лишь за счет паллиативной по своему характеру отсылки к эпохе петровских преобразований, которая, по сути, является «отложенным ответом». Правда, такие авторитетные ученые, как В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов, а также большинство советских историков обращали свое внимание на XVII в. как эпоху зарождения преобразовательных программ, тем не менее, сами инновационные

¹ Одна из наиболее ярких работ в этом ключе за последнее время принадлежит К.Б.Соколову (см.: Соколов К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. – М., 1999.

² Приятным исключением выглядят следующие работы: Петров М.Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. – Л., 1982; Петров М.Т. Проблема Возрождения в советской науке. – Л., 1989; Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. – Пермь, 1995.

³ Наиболее удачными в интересующем нас контексте выглядят следующие исследования: Гайденко П. История новейшей европейской философии в ее связи с наукой. – М.; Спб., 2000.; Катасонов В.Н. Метафизическая математика XVII века. – М., 1993; Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. – М., 1993; Поликарпов В.С. История науки и техники. – Р-н-Д., 1998; Философско-религиозные истоки науки. – М., 1997; Naiville P. D'Holbach et la philosophie scientifique au XVIII-e siècle. – P., 1968.

импульсы выглядят все-таки слепком с исторического пути Европы, который совпадает с образом «правильного» развития исторического процесса. Конечно, такой подход может давать ответ на вопрос о том, почему интеллигенция зарождается в России, но все так же не дает внятного ответа на вопрос, почему интеллигенция зарождается в истории вообще;

в) социальные функции интеллигенции и специфика ее интересов - эта сторона изучения феномена интеллигенции, как правило, смешивается с простой инвентаризацией ее социальной занятости в таких институциональных формах как система образования, среда научно-технического творчества, сфера искусства и т.д. По этим темам накоплены огромные информационные пласты описательного характера, пусть и обобщенные в рамках той или иной сферы деятельности. Тем не менее, простая регистрация направлений деятельности интеллигенции в обществе не является исчерпывающим ответом на вопрос о ее функциях, так как гораздо важнее разобраться в природе историко-социальной ситуации, когда жизненно необходимым для общества оказывается существование таких институтов как СМИ, система образования, литература и т.д.

Отсутствие отчетливого представления о генезисе самой потребности социума в услугах интеллигенции прямым образом связывается с трудностями выявления ее реальных корпоративных интересов. Представление о том, что интересы интеллигенции заключаются в развитии образования, науки или искусства является упрощенным, почти что тавтологичным. Базовым условием существования, институционализации и социального статуса интеллигенции может быть только лишь сохранение общественной потребности в ее услугах. К сожалению, практически ни одно исследование, посвященное проблемам интеллигенции или проблемам секулярной культуры, не руководствуется этой очевидной посылкой. Поэтому исследователь, касающийся проблемы социальных функций интеллигенции и вытекающих из них интересов, вынужден активно обращаться к информационным ресурсам, посвященным истории науки, образования, искусства, литературы, книгопечатания и СМИ, предпочитая исследования обобщающего характера в соответствии с требованиями историко-теоретического подхода. Стоит повторить, что обращение к огромному эмпирическому материалу может быть эффективным только при использовании новых концептуальных подходов, способных к качественной организации и переорганизации накопленных фрагментов исторической реальности.

II. Исторические типы общества, с точки зрения авторского методологического подхода, являются важной составляющей данного исследования. Это обусловлено следующими обстоятельствами: 1. осмысление феномена интеллигенции, его генезиса требуют внимательного отношения к социально-историческому контексту, в котором интеллигенция оказалась проявлена как специфическая социальная группа; 2. наш подход к понятию «интеллигенция» заключается в наполнении его объективным, корректным историческим содержанием с одновременным устранением идеологического/ненаучного компонента. Реализация такого подхода возможна только при условии выявления и демонстрации реальных внеидеологических критериев, служащих для идентификации того или иного типа историко-социальной целостности (общества, цивилизации, социальные группы и т.д.) и включающих в себя конкретный смыслообразующий принцип, ценностные основания и нормирующие требования; 3. отчетливая типология исторических обществ позволяет достаточно четко отличить в результирующем продукте их взаимодействия объективно неизбежное от исторически случайного.

Исходя из исследовательской ситуации, становится очевидным, что в данной части нашей работы большое значение для ее результата будет иметь использование не только исторических и историко-теоретических информационных ресурсов, накопленных социологической наукой данных, но и учет имманентно присущих, а иногда и скрытых, эпистемологических оснований: а) *смыслообразующие принципы исторических обществ*. В рамках концептуального подхода, используемого в данном исследовании, главным смысло- и структурообразующим принципом любого исторического типа общества является то предельное по своему характеру представление о миропорядке (картине мира), которое люди воплощают в социальной реальности. В разной степени такой подход разделялся многими классиками социологической мысли, от О. Конта до Н. Лумана. Наиболее ярко и системно убедительно данное положение развивалось в работах М. Вебера, П.А. Сорокина, Т. Парсонса и В. Шлюхтера¹. Сходный социологический подход можно обнаружить в работах отечественных этнографов Н.Н.

¹ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990; Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994; Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика - СПб., 2000.; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992; Парсонс Т. Понятия общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. Тексты.– М., 1996; Schluchter W. Rationalismus der Weltbeherrschung. Studien zu Max Weber. – Frankfurt am Main, 1980; Schluchter W. Religion und Lebensführung, Bd.1-2. – Frankfurt am Main, 1988.

Чебоксарова и С.А. Арутюнова («информационная концепция этноса»)¹ и историков С.Н. Ениколопова и К.Б. Соколова². Важно отметить и работы мыслителей, по формальным или идеологическим причинам не принятых в систему институционализированной науки. Идеи таких интеллектуалов, как француз Р. Генон, или наш соотечественник А.Г. Дугин оригинальны, концептуально глубоки и создают дополнительные когнитивные ресурсы для академической науки³, поскольку именно такие исследователи, в силу их независимости от жестких корпоративных норм строго научных методологий (очень часто оказывающихся предрассудками, выполняющими селективную роль) обеспечивают смысловые «прорывы» на том или ином научном направлении. Например, в нашем случае, идеи Р.Генона во многом убеждают современных философов и историков в необходимости учета трансцендентного фактора при обращении к принципиальным основам типологии исторических обществ; б) *структурная типологизация исторических обществ*. В рамках европейской научной традиции начало типологизации социальных ценностей можно отнести к «наивной типологизации». Ее продуктом, на наш взгляд, является широко употребляемый термин «цивилизация». Его возникновение основано на простейшем и психологически понятном делении мира на «своих» и «чужих», которое сложилось на практике взаимодействия древнегреческой, шире - античной - ойкумены с представителями иного, окружающего мира. «Наивность» такой типологизации, конечно, не в количестве элементов, а в том, что свой социальный строй жизни ставится в позицию заведомо нормативную, что является плодом произвольного допущения о природе реальности и ранней формой индуктивистской методологии истории. Правда, оппозиция «цивилизация - варварство», характерная для античного мировоззрения, в период Нового времени была смягчена и объективирована апелляцией к уровню развития европейской цивилизации относительно степени зависимости от природной Среды (концепции типов общества по Г. Спенсеру и Т.-Т. Боклю). В некотором смысле, даже такая объективистская типология исторических обществ, как марксистская, тем не менее несвободна от «наивной типологизации», так как организующим стержнем является представление о прогрессивном развитии человеческого общества на основе совершенствования материального произ-

¹ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. – М., 1985.

² Ениколопов С.Н. Три образующие картины мира // Модели мира: [Сб. ст.] / отв. ред. Д.А. Поспелов. – М., 1997; Соколов К.Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. – М., 1999.

³ Генон Р. Кризис современного мира. – М., 1991; Генон Р. Царство количества и знаменья времени. – М., 1994; Дугин А. Пути абсолюта. – М., 1991.

водства. Материалом для такого рода обобщений стал весьма ограниченный во времени и в пространственном плане фрагмент исторической реальности (Европа Нового времени). Лучше всего ограниченность такого подхода проявилась при столкновении классиков марксизма с так называемом «азиатским способом производства». Фактически эта дефиниция обозначала признание того, что главный двигатель новозападной цивилизации во всем незападном мире не работает, а исследования того же М. Вебера убедительно демонстрировали, что форма отношения человека к материальному производству в значительной степени зависит от его мировидения, а не от законов развития производства.

Важным условием развития типологии исторических обществ становится отказ (подчас волевой) от европоцентризма и связанного с ним образа стадийного исторического процесса. Большое значение в продвижении историко-теоретической мысли в этом направлении сыграли труды классиков так называемого «цивилизационного подхода» Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби¹. Формальный отказ от европоцентризма, важный для снятия интеллектуальных запретов на дальнейший научный поиск в русле реальной социологии истории, был во многом обусловлен внутренней зависимостью авторов от европоцентристской точки зрения на историческую действительность, присущей им как конкретным личностям. Например, концепция Н.Я. Данилевского, при всех своих достоинствах, безусловно натуралистична в своих основаниях и несет отчетливую печать биологизаторства, что само по себе демонстрирует его зависимость от европейской, наукоцентристской исследовательской парадигмы. То же самое можно сказать и о работах А. Тойнби, содержащих в своем исследовательском подходе спенсеровскую концепцию приспособления общества к среде обитания, а также корпоративное преувеличение роли так называемой «творческой элиты» в обществе.

Гораздо более перспективными выглядят разработки классика немецкой социологии Ф. Тённиса, точнее, его известная концепция «Gemeinschaft/Gesellschaft», в рамках которой он отчетливо отграничивает западный тип общества от органического, незападного. Именно Ф. Тённис, пожалуй, впервые в научной традиции указывает на незападный тип общества как тип базовый, нормальный. В коллективном исследовании «История теоретической социологии» один из его авторов, А.Ф. Филиппов, на этот

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М., 1993-1998; Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М., 1990.

счет замечает следующее: «Некоторые намеки Тённиса позволяют говорить, что основным субстратом социальности является все-таки *Gemeinschaft*. Но тогда можно - и для этого есть опора в самих его рассуждениях - рассматривать *Gesellschaft* как извращенный, выродившийся *Gemeinschaft*»¹.

Кроме того, активизация этнографических исследований незападного мира породила такую научную дисциплину, как социально-историческая антропология, которая в первой половине XX в. сосредоточилась на проблеме внутренних организационных принципов каждой культуры как общности². Именно в русле этнографических и антропологических исследовательских программ возникает сравнительно удачное наименование для обществ незападного типа - традиционные общества, хотя не всегда в рамках этого термина проводится четкая граница между историческими обществами и примитивными, архаичными сообществами.

Серьезным прорывом в исследованиях исторических типов обществ стали работы классика современной социологии П.А. Сорокина. В своем фундаментальном исследовании «Кризис нашего времени» русско-американский социолог предлагает свою типологию исторических обществ (культур, по его определению) и, одновременно, указывает на то, что каждому культурному типу соответствует свой смысло- и структурообразующий принцип: «Каждый имеет свою собственную систему истины, свои источники и критерии. Эти три главные системы истины соответствуют нашим трем сверхсистемам культуры, а именно: идеациональной, идеалистической и чувственной системам истины и знания»³. В принципе, сорокинская типология носит бинарный характер, так как идеалистический тип, по сути, является промежуточным между идеациональным и чувственным, комбинируя в себе их черты. Поэтому сущностное историко-социологическое значение имеют два других типа. Идеациональный тип, по П.А. Сорокину, это «унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога, как единственной реальности и ценности»⁴. К этому типу можно отнести все западные типы исторических обществ и само западное общество до эпохи Нового времени. О новой, секулярной культуре П.А. Сорокин пишет следующее: «Она может быть названа чувственной. Она основывается и объе-

¹ История теоретической социологии. В 4-х т.: т. I. – М., 1997.

² Особенно стоит отметить работы выдающегося английского антрополога Э. Эванса-Притчарда: Эванс-Притчард Э. История антропологической мысли. – М., 2003; Эванс-Притчард Э. Теории примитивной религии. – М., 2004.

³ Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

⁴ Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

диняется вокруг этого нового принципа: объективная действительность и смысл ее сенсорны»¹. В данном элементе сорокинской типологизации без труда можно узнать западный тип общества, начиная с эпохи Нового времени.

Важным теоретическим шагом в создании объективированного представления о типе общества стали работы ученика П.А. Сорокина Т. Парсонса. Именно ему на сегодняшний момент принадлежит наиболее четкая концепция социальной системы и ее структурных компонентов². По сути, Т. Парсонс достаточно непротиворечиво формализовал на уровне функциональной схемы объективные стороны социальной жизни, освободив их для добросовестного наблюдения и анализа, сохранив место даже для учета трансцендентного фактора в форме «высшей реальности». Правда, справедливости ради надо уточнить, что важное и даже определяющее место трансцендентного компонента организации социальной реальности в западной историко-теоретической и социологической традиции признавали Г. Риккерт, Э. Кине, Ж. Мишле и, в особенности, М. Вебер. Стоит выделить в русле наших исследовательских интересов работы известного израильского социолога и историка Ш. Эйзенштадта, особенно в той их части, которые касаются типологии самих традиционных, незападных обществ³. Выделяя такие типы, как патримониальные общества, имперские и имперско-феодалные общества, ученый углубляет наши представления об этом социальном феномене, далеком от нашей повседневной реальности.

Постоянно уточняются социологические и методологические представления о современном, новозападном обществе, что вполне понятно, если иметь в виду его динамичную, развивающуюся природу. Такие новые концепты как «постиндустриальное общество», «глобальное общество» или «коммуникативное общество»⁴, на наш взгляд, весьма удачно интегрируются в понятие «информационное общество» с сохранением определенных смысловых нюансов каждого из них. С точки зрения нашего концептуального подхода, западное (новозападное) общество не столько сущностно трансформируется, сколько все более явственно проявляет свою изначальную сущность.

Бинарная типология исторических обществ «традиционное - информационное» будет занимать важное место в предлагаемой нами авторской историко-теоретической

¹ Там же. – С. 431.

² Парсонс Т. Понятия общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. Тексты. – М., 1996; Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998.

³ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999.

⁴ Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2001. – 557 с.; Bell D. The Coming of Post-Industrial Society / D. Bell. – N.Y., 1976; Wallerstein I. After Liberalism / I. Wallerstein. – N.Y., 1995.

концепции. Само понятие «информационное общество» было введено в употребление Ф. Мэклапом¹ еще в начале 60-х годов XX в., и с этого времени все более активно используется в научной литературе, а также в СМИ. Однако представления об информационном обществе подчас грешат поверхностностью суждений по поводу его фундаментальных оснований и сущностных сторон. Не могут всерьез удовлетворять определения информационного общества как общества информации и компьютеризации в силу явного инструментального понимания сущностных признаков социального явления. На наш взгляд, сущностным признаком современного общества является постоянно растущая потребность в информации и потребность в ее эффективном использовании. Именно эта потребность многое определяет в системе политических, социальных, экономических отношений и даже во внутренней, психологической сбалансированности личности. Если мы, хотя бы гипотетически, примем эту точку зрения, то тогда проблема генезиса информационного общества становится одной из важнейших для историко-теоретической мысли. Еще более это важно для нашего исследования, так как понимание социальной роли интеллигенции неотделимо от четкого представления историко-социального «профиля» самой западной цивилизации.

III. Коммуникативный, информационный компонент социальности в последнее время оказался в центре научного и общественного внимания. Более того, такой известный исследователь, как П. Бурдьё, и другие, прямо рассматривают культурную коммуникацию как главный социогенный фактор². Мы разделяем этот взгляд на природу социально-исторического, хотя прямо не заимствуем чьей-либо концепции в качестве руководящей гипотезы, и обращаем внимание на связанность теоретических суждений с методологией, точнее, с ее парадигматическими основаниями: а) *место и роль коммуникативного компонента в истории*. Один из известнейших специалистов по теории коммуникации в постсоветском пространстве Г.Г. Почепцов в своей работе «Теория и практика коммуникации», касаясь проблем информационного обмена, пишет следующее: «Сегодняшний мир в сильной степени сформирован массовыми коммуникациями. Политическое или экономическое событие только тогда становится зна-

¹ Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. – Princeton, 1962.

² Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. – 1993. – №1/2. – С. 49–62.; Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989; Bourdieu P. Distinction. A social critique of the judgement of taste. – London, 1994; Communication and culture. Readings in the codes of human interaction. – NY, 1966; Eisenstein E. The Printing Press as an agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early-Modern Europe. – Cambridge, 1979; Fiske J. Introduction to communication studies. – London, 1990; Levi P. L'intelligence collective: pour une anthropologie du cyberspace. – P., 1997; Stonier T. The Wealth of Information. – L., 1983.

чимым, когда о нем рассказано в средствах массовых коммуникаций. При этом обратим внимание на определенную зависимость: чем значимее эта фигура или структура в реальном мире, тем большее место она должна занимать в потоках информации. Сегодня ни одна западная структура не может существовать без соответствующей коммуникативной поддержки¹. В силу такого уровня актуальности в нашем исследовательском распоряжении находится обширная научная литература по теоретическим и прикладным проблемам коммуникации². Главной проблемой в исследовании историко-социального аспекта коммуникативности является необходимость дистанцироваться от распространенных крайностей в этом вопросе: 1) большинство исследователей гуманитарного цикла наук в той или иной степени зависят от синдрома «актуалистичности», под которым следует понимать присваивание качества «новизны» любому результату специализированного исследования; 2) противоположным по форме, но сходным по сути теоретическим недостатком является исторический редукционизм, когда исследователь, стремясь максимально типизировать то или иное историческое явление, не замечает потери качественной строгости в осмыслении типизируемого феномена. Иными словами, коммуникативность всегда являлась фундаментальным фактором любого типа социальности, но принципы, организующие саму коммуникацию, весьма отличались друг от друга в масштабе исторического времени. В нашей работе значительное внимание уделяется именно четкому выявлению исторических типов коммуникации, что, на наш взгляд, создает дополнительные возможности для понимания места интеллигенции в социальных процессах; б) *возможности информационного воздействия на личность и социум*. Данная проблематика стала вычленяться в научной и общественной мысли только во второй половине XX в. Однако было бы ошибочным на этом основании предположить, что информационное воздействие есть нечто принципиально новое в истории. Просто актуализация «мягкого», информационного влияния на сознание людей явилась компенсацией снижения возможностей силового давления на оппонента. Кроме того, дальнейшая идеологическая либерализация западных демократий объективно архаизировала использование силы как главного регулятора

¹ Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. – М., 1998.

² Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии.– 2000.– №6.– С.3–17; Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М., 1998; Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. – М., 1998.; Пятигорский А.М. Избранные труды. – М., 1996; Ракитов А.И. Информационная революция: наука, экономика, технология. – М., 1993; Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М., 1991; Уасон П. Религия, коммуникация и генезис сложной социальной организации в неолитической Европе / П. Уасон, М. Балдиа // Альтернативные пути цивилизации.– М., 2000.– С. 219–231.

социального порядка. Западное общество просто отрефлексовало технологии прямого социального воздействия через систему научного производства. На самом деле, основываясь на принципе логической выводимости, мы обязаны признать, что, если природа общества коммуникативна, то и сами социальные изменения должны быть в первую очередь опосредованы этой сферой.

Для работы по этой проблеме требуются ресурсы, созданные в русле лингвистики и психолингвистики¹, социальной психологии², социологии³, и, естественно, в теории информации⁴. С точки зрения такого подхода дополнительные познавательные ресурсы образуются в отношении так называемых «теорий заговора», которые, на наш взгляд, являются реакцией массового сознания, утратившего традиционалистскую основу на усиливавшиеся в течение XVIII - XIX вв. практики непрямого социального воздействия. Достаточно много внимания этой теме уделено в авторской монографии «Интеллигенция и революционные формирования»⁵, в том числе введением понятия «информационной игры», использование которого дает дополнительные возможности качественного осмысления сущности проблемы информационного воздействия на личность и общество.

Подводя итог состоянию научно-исследовательских ресурсов по заявленной теме, надо признать, что их информационная плотность и разнообразие вполне достаточны для теоретического анализа и концептуальных построений историко-теоретического плана. Пожалуй, главная трудность заключается в выработке концеп-

¹ Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М., 2000; Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984; Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религии. – М., 1998; Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989; Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993; Слобин Д. Психолингвистика. – М., 2006; Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2 т. – М., 1995–1998; Языки как образ мира. – М., СПб., 2003.

² В рамках заявленной концепции интересны следующие тексты: Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – СПб., 2006; Александров А.А. Современная психотерапия. – СПб., 1997; Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М., 1998; Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. – М., 1998; Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – СПб., 1999.

³ Бурдые П. Социология политики. – М., 1993; Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 1998; Лебон Г. Психология масс. – СПб., 1995; Московичи С. Век толп. – М., 1996; Парсонс Т. Понятия общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. Тексты. – М., 1996. – С. 223–286; Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998; Штомпка П. Социология социальных изменений. – М., 1996; Kumar K. The rise of modern society. – Oxford, 1988.

⁴ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М., 1994; Винер Н. Творец и Будущее. – М., 2003; Земан И. Познание и информация. – М., 1966; Информация и управление: философско-методологические аспекты. – М., 1985; Козачков А.С. Системы потоков научной информации. – М., 1973; Мазур М. Качественная теория информации. – М., 1974; Черри К. Человек и информация. – М., 1972; Шеннон К. Работы по теории информации. – М., 1966.

⁵ Уваров П.Б. Интеллигенция и революционные формирования (конец 20-х – конец 60-х годов XIX века): монография. – Челябинск, 1998.

туального механизма исключения из инфо-ресурсов компонентов оценочного плана и «идеологической речи».

Практическая значимость исследования заключается в возможности широкого использования дедуктивных исследовательских программ в исторической науке, наряду с индуктивистскими, повышая когнитивные возможности исторической науки.

Результаты работы создают дополнительные перспективы развития интеллигентоведения как специальной исторической дисциплины, особенно в ее теоретико-методологическом сегменте.

Материалы исследования могут использоваться при создании обобщающих трудов, лекционных курсов и учебных пособий по историографии, философии и методологии истории, антропологии интеллигенции, спецкурсов и спецсеминаров по историко-теоретической проблематике.

Апробация работы. Представленный текст диссертации обсужден на заседании кафедры Отечественной истории и МПИ Челябинского государственного педагогического университета. Основные положения и результаты исследования озвучивались на международных, всероссийских конференциях с международным участием, и всероссийских конференциях в Москве (2009), Екатеринбурге (2001), Челябинске (2007, 2008, 2009). Содержание диссертации отражено в двух монографиях и статьях.

Структура диссертации соответствует задачам и внутренней логике исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении сформулирована актуальность темы, охарактеризованы объект и предмет исследования, определены цель и задачи, методологические основы исследования, характеристика источниковой базы, научная новизна, практическая значимость, представлен анализ научной литературы и источников по проблеме, освещена методология исследования, помещены сведения об апробации работы.

В первой главе «Концептуальные основания выбора методов исторического исследования интеллигенции» оценивается соответствие методологического инструментария современной исторической науки относительно ее экспертных обязательств, а также определяется возможность обновления методов исторического познания за счет восстановления статуса дедуктивных исследовательских оснований.

В результате анализа методологических особенностей современной исторической науки можно констатировать доминирование индуктивистских исследовательских программ и фиктивность познавательной ситуации, лежащей в их основе. Это объясняется представлением о возможности идеальной диспозиции историка-наблюдателя относительно того или иного фрагмента реальности, при этом игнорируются практически неустранимые для такого наблюдения препятствия объективного и субъективного характера: *объективным препятствием* при непосредственном историческом наблюдении за той или иной частью действительности становится невозможность обеспечить историку абсолютное присутствие в этой части действительности (здесь мы имеем в виду не только классицистский стандарт единства места, времени и действия, но и заведомо неосуществимую «абсолютную диспозицию»), особенно учитывая обращенность истории к уже прошедшему прошлому; *субъективными препятствиями* можно считать психофизиологическое состояние историка-наблюдателя, а также его личное мировоззрение с присущей ему избирательностью и предпочтительностью.

Обращают на себя внимание следующие фундаментальные недостатки, вытекающие из преобладания индуктивизма в современной методологии: 1) *культ факта*, основанный на уверенности, что единственным, достаточным для получения успешного результата исследовательским алгоритмом является процесс восхождения от простого к сложному, от единичного к общему. Господство эмпиризма в истории фактически сводит задачу историка к попыткам достигнуть результата путем «выкладывания» реальности из неких ее отдельных, подчас случайных фрагментов по типу мозаики (puzzle), хотя феноменологическая бесконечность мира делает процесс его эмпирического познания заведомо бессмысленным; 2) *переизбыток и конфликт интерпретаций*, прямо вытекающий из сугубо индуктивного характера современного исторического познания. Более того, общий рост субъективизма в современном историческом познании превращает практически любое исследование в дополнительную интерпретацию. Становящаяся все более динамичной, интерпретационная активность, несмотря на свою избыточность и внутреннюю конфликтность, не может быть сколько-нибудь ограничена в силу дефицита дедуктивных подходов в истории. Драматизм методологической ситуации заключается в том, что при сохранении исключительно индуктивного характера исторического дискурса любая интерпретация, базирующаяся на его основе, в большей или меньшей степени оказывается «случайной»; 3) *скрытые де-*

факты фактологического отбора. Опора на индуктивизм и обработку простейших фрагментов реальности требует от историка учитывать то обстоятельство, что не все сведения о действительности равным образом откладываются в источниках. Парадоксальным выглядит то обстоятельство, что индуктивная исследовательская логика, в идеале настаивая на прямом обращении к непосредственной реальности, обречена на контакт прежде всего с нетипичными, исключительными ее сторонами. Данное обстоятельство связано с тем, что преимуществом фиксации пользуется именно необычное, редкое, то есть то, что в первую очередь обращает на себя внимание летописцев, хронистов и просто современников такого рода явлений.

Проблемные моменты современного исторического познания, выражающиеся в фактической непроясненности предмета истории, односторонности его методологии и инструментария позволяют, в своей совокупности, говорить о приближении ситуации кризиса.

Указанные трудности, а также определенные идеологические причины, привели к тому, что в рамках отечественной историографии прослеживается тенденция избегать исследований теоретического и теоретико-методологического характера, если не подразумевать под теоретическими работами обобщающего плана.

Обратившись к отечественной историографии интеллигенции, легко убедиться в недостаточной проработанности именно теоретического сегмента данного исторического явления по следующим направлениям: 1) представление о природе интеллигенции, рассматриваемой в качестве социо-исторического феномена, концентрированно формализованные через соответствующие дефиниции; 2) генезис интеллигенции, его причины, характер и условия, неотделимые от понимания природы данного явления; 3) социальные функции, институционализирующие интеллигенцию как историческое явление; 4) корпоративные интересы интеллигенции, необходимо связанные с природой ее социального функционирования.

На наш взгляд, можно выделить три подхода к понятию «интеллигенция»: 1) атрибутивный, т.е. связанный с попыткой определить интеллигенцию через некий формализованный идентификационный признак-маркер, такой, например, как образовательный индекс или профессиональная принадлежность; 2) функциональный, т.е. связанный с определением интеллигенции через ее общественные обязанности, вычленение зоны ответственности и т.п. (изначальная методологическая диспозиция в этом случае выглядит более взвешенной, так как обращает исследовательское внимание не

только к самой интеллигенции, но, в значительной степени, к тому историко-культурному контексту, в рамках которого она существует); 3) эмоционально-оценочный, на наш взгляд, оказывающийся вариацией атрибутивного и представляющий собой идентификационный маркер, базирующийся на произвольном допущении оценочного характера. Вполне допустимым было бы обозначить данный подход как *эkleктичный*, так как нередко он совмещает в рамках одного определяющего высказывания элементы атрибутивного, логику функционального и, наконец, в качестве предмета функционирования чисто оценочные положения.

Очевидно, что проблема формализации понятия «интеллигенция» связана с гораздо более глубокими трудностями, чем это кажется в первом приближении. Сложности заключаются в дефиците четких представлений о собственно *историческом пространстве* как пространстве, в рамках которого идентифицируется любое конкретное явление, а также в недостатке методологической строгости относительно самого общества как социализирующего контекста, генерирующего любые социальные частности. К такому выводу приводит парадоксальное обстоятельство, что при избытке положительных данных по теме уровень содержательной неопределенности весьма высок. В этом случае исследовательская логика сигнализирует о недостатке именно объективных классификаторов. Кроме того, данная терминологическая проблема усложняется тем, что это – автодефиниция, а самописание, как правило, не свободно от мифологизации.

На основании рассмотренного историографического материала, посвященного проблеме генезиса интеллигенции, можно утверждать, что вопросы причин и природы данного явления разрабатывались недостаточно глубоко. Центральный вопрос о том, является ли интеллигенция «вечной» социальной группой или она возникает на определенном, сравнительно позднем этапе исторического процесса, остается, по существу, нерешенным. Это, безусловно, связано с недостаточной проясненностью самого явления в познаваемых границах. Более успешно изучались конкретные условия, содействующие процессу генезиса. Но возможности данного ракурса изучения недостаточно использованы ввиду весьма сдержанного обращения к дедуктивно-историческому анализу массива эмпирических данных.

Любое генетическое построение может быть успешно только с опорой на определенную, нерелятивную «точку отсчета», позволяющую корректно указать на момент

зарождения того или иного качества в рамках исторического пространства, а также на его изменение во времени, т.е. стадийность.

Оценивая уровень разработки вопроса об *историко-культурных функциях* интеллигенции, т.е. тех социальных практиках, которые ее институционализировали, приходится констатировать, что все известные нам исследовательские подходы делятся на две значительные группы - *инвентаризационные* и *эссенциальные*. Они не диаметрально противоположны друг другу, а, скорее, обозначают разные уровни научной формализации, на которую отваживаются исследователи.

Представители *инвентаризационного* подхода, как правило, концентрируют свое внимание на профессиональном составе интеллигенции, создавая на этой основе функциональные типологические группы.

Ясно, что для конкретно-исторических изысканий такой подход разумен, так как для фиксации положения интеллигенции «здесь» и «сейчас» демаркация между ее различными отрядами крайне важна. В свою очередь, для теоретического осмысления интеллигенции как историко-социального феномена более плодотворным выглядит сосредоточения на функциональном единстве, позволяющим формализовать ее как социальное целое.

Именно в этом смысле *эссенциальный* подход является результатом сосредоточения исследователей на сущностной функциональности интеллигенции, интегрирующей ее в достаточно устойчивую целостность вне зависимости от особенностей той или иной исторической ситуативности.

Проблема заключается в том, что вне зависимости от качества обоснования применения того или иного абстрактного понятия, сама степень отвлеченности делает его весьма зависимым от авторской субъективности и страдает следующими недостатками, нежелательными в рамках научного дискурса: 1) низкая способность к формализации; 2) трудность в конвертации; 3) крайне невысокая инструментальность. При этом возникает закономерный вопрос о том, насколько и кем указанные социальные функции выполнялись до появления интеллигенции, и чем было вызвано появление самой интеллигенции, выглядящее в этом случае исторически избыточным в рамках однонаправленного, линейного представления об историческом процессе. С указанными трудностями во многом связаны попытки некоторых исследователей фактически уйти от обсуждения темы функций интеллигенции как социальной группы.

Тем не менее, научная конвертация термина «интеллигенция», а также использование его указанными авторами позволяет утверждать, что устойчивая, сущностная составляющая данного феномена все же наличествует, хотя, по разным причинам, ускользает от внимания исследователей.

Еще более сложная историографическая ситуация складывается с изучением темы корпоративных интересов и мотиваций интеллигентской активности. Как правило, обращаясь к этим вопросам, мы сталкиваемся либо с отсутствием сколько-нибудь развернутых научных суждений на эту тему, либо с фактическим отрицанием наличия у интеллигенции автономных интересов, отдельных от иных социальных групп и слоев, а лишь указанием на одну из сфер их реализации. На наш взгляд, сложившаяся историографическая ситуация по вопросу корпоративных интересов интеллигенции связана со следующими обстоятельствами: 1) сложность строгого самоописания как такового, хорошо известная в историографии применительно к мемуаристике, и с этой точки зрения, чем более субъект знания соразмерен (конгруэнтен) объекту, сроднен ему, тем сложнее занять позицию внешнего объективного наблюдения; 2) именно природа интересов такова, что при отсутствии внешней точки отсчета, велик соблазн объективации и универсализации собственных социальных стремлений, за счет снижения уровня их противопоставленности остальной части общества и, в этом случае, придания им статуса максимального благоприятствования; 3) проблема интересов интеллигенции синтагматична общему состоянию разработки вопроса, поэтому невыясненная социокультурная идентификация, непроясненность генетических оснований и объективной функциональности создают благоприятные условия для камуфляжа реальных социальных притязаний и, одновременно, общим понятийным контекстом сдерживают исследовательский прорыв на этом отдельном направлении.

Подводя итог историографическому обзору, можно попытаться обозначить наиболее перспективные, на наш взгляд, векторы развития отечественного интеллигентоведения: 1) стремление к максимально корректной, позитивной квалификации интеллигенции в качестве историко-культурной, социальной группы за счет совершенствования представлений о специфике собственно *исторического* пространства как *определяющего* основания; 2) обновление *методологических оснований*, соответствующих новому видению *исторического* пространства и конституирующей его логике применительно к исследованиям интеллигенции; 3) строгий структурный анализ феномена

интеллигенции, его принципиальных составляющих в результате его предельной научной объективации и сужения пространства произвольных допущений.

Исходя из анализа проблем современного исторического познания, особенно отчетливо заявляющих о себе при решении сложных теоретических задач исследовательской деятельности, можно констатировать необходимость парадигматического обновления методологии истории, которое позволит действовать не только индуктивно, но и дедуктивно, а значит, иметь теоретическую основу в такой же степени, как и точным наукам. Сама по себе дедуктивность как методология исследования исторической действительности возможна при следующих условиях: 1) опора на предельное допущение по поводу реальности, по отношению к которому все многообразие актуальной, в том числе исторической, действительности оказывается распределенной предрасположенностью; 2) возможность осознавать наличие объективной предельности и вытекающих из ее природы предрасположенностей; 3) способность сознательной деятельности в соответствии с постигнутой предрасположенностью.

Если наличие перечисленных условий теоретически возможно, то так же теоретически возможна исследовательская дедукция в истории как адекватный отпечаток объективной логики самого исторического процесса:

1. В истории вполне возможна опора на предельные допущения по поводу фундаментальных оснований бытия (объективная реальность). Либо мы допускаем, что история имеет смысл, цель, направленность и качественность (меру соответствия); либо история бессмысленна и, в конечном счете, представляет одну из сторон естественно-природного, самодостаточного процесса субъективно высвеченного человеческим сознанием. С точки зрения научной позитивности оба допущения как предельны, так и неопровержимы по своей природе, а значит, могут сохранять функцию теоретической, ориентирующей модели миропорядка. Минимальная научная добросовестность требует хотя бы осознания объективности данной предельной оппозиции;

2. Признание и учет наличия сознания как возможности и условия воспринимать мир, является минимальным основанием для личной и исторической активности человека (субъективная предельность). Субъективной исторической первичностью (естественно, без учета объективной первичности метафизических допущений) оказывается осознание человеком (как в личном, так и в коллективном измерении) собственного существования (самоосознание). Над этим объективным уровнем «исторического» не-

избежно надстраивается уровень постижения существования как постижения содержания окружающей действительности.

В свою очередь, несомненная сложность отношений с реальностью предопределяет наличие (в статусе важного и необходимого) «рабочего образа действительности», функцией которого является придание первичной личной и коллективной осмысленности поведения человека. Принципиально важным является то, что «рабочий образ действительности» оказывается следствием экзистенциального выбора личности, связанного с принятием того или иного предельного допущения по поводу фундаментального основания Бытия. Именно здесь осуществляется ключевое для личной и исторической активности человека восприятие того или иного варианта объективной метафизической предельности субъективной предельностью человеческой личности. Именно через человека метафизическое допущение обретает вполне реальное, предметное существование и, по сути, перестает быть допущением (например, сообщество верующих взаимодействует с миром таким образом, что делает для позитивного исторического знания функционально бессмысленным вопрос о реальности бытия Божия);

3. В дальнейшем, экзистенциальный выбор личности, ответственный за наличие первоначального «рабочего образа действительности», корректируется и закрепляется в элементарном социальном общении, приобретая качество «образа истинности». Главным отличием «образа истинности» от «рабочего образа действительности» является высокий уровень осознанности норм использования его в социальной реальности (отрефлексирован в понятиях «принципы», «кредо», «правила», «нормы» и т.д.);

4. Именно наличие «образа истинности» как фактора предопределяет и обеспечивает личную и коллективную активность человечества в истории через этап выбора жизненной цели (или этап целеполагания) и способов ее воплощения в различных сферах деятельности.

5. Проекционистская активность как активность личностная и коллективная необходимым следствием имеет формирование коммуникативного пространства. Коммуникация (коммуникативное пространство) понимается нами как результат согласования проекционистских активностей индивидуумов в отношении «образа истинности». Именно проекционистский характер взаимодействия носителя «образа истинности» с действительностью актуализирует проблему взаимосогласованности множества индивидуальных проекций.

Можно предложить следующую модель истории как специфического сегмента действительности (желательно представлять эту модель в трехмерном пространстве, чтобы учитывать не только пространственную, но и временную, «поколенческую» составляющую): а) расположенные в пространстве «исторического» элементы-индивидуумы. Они представляют собой субъекты - носители определенного «образа истинности», в соответствии с осуществленным экзистенциальным выбором; б) индивидуумы (и коллективы индивидуумов) осуществляют историческую активность в форме проекции «образа истинности» на действительность (проекционизм). Проекция должна рассматриваться в единстве двух функций – активной (формирующей реальность в соответствии с имеющимся эталоном, «образом истинности») и пассивной (учитывающей свойства действительности и могущей корректировать в определенных пределах сам «образ истинности»); в) проекционистская активность неизбежно порождает возникновение их устойчивого взаимодействия - коммуникаций, коммуникационного пространства; г) складывается определенный тип коммуникации в виде господства разделяемого всеми или большинством «образа истинности» (по большому счету либо религиозноцентристский, либо природоцентристский, на данном уровне обобщения оттенками и нюансами можно пренебречь). Этот базовый для исторического процесса тип коммуникации по своей природе может быть назван «коммуникацией смысла». Индикатором складывания данной коммуникации, свидетельством ее оформления оказывается появление языка как средства межличностного общения; д) в соответствии с установившимся типом коммуникации организуются все ее отдельные, частные формы (их характер, правила, пределы допустимой активности, представления об уровне автономности от цели общей коммуникации и т.д.). Именно так позиционированы в истории такие специфические взаимосвязи как экономика, политика, социальность, культура. При этом важно не забывать, что вся эта трехмерная модель окажется бесплодной абстракцией, если не учитывать, что все это многообразие частных актуализаций имеет свое основание в изначальной метафизической полноте (допущении). Именно это дает нам основание и возможность использования дедуктивного метода постижения истории во всем многообразии ее частных форм. Дедуктивный метод оказывается полностью соответствующим модели истории как сегмента действительности. Между внутренней сущностью истории и методом ее постижения нет противоречия. В данном случае методология полностью соответствует архитектонике изучаемого.

От обоснований возможности теоретического и практического применения дедуктивно-исторического метода перейдем к попыткам выстраивания его конкретного алгоритма употребления.

Мы видим следующую *последовательность методологических операций* в реальном историческом материале:

1. Определение типа господствующего «образа истинности» в рамках той или иной цивилизации (общества, культуры, эпохи). В некотором смысле предлагаемое нами понятие «образа истинности» сходно с понятием «габитус», используемым еще О. Шпенглером и актуализированное Н. Элиасом и, в особенности, П. Бурдьё. Понятие «габитуса» и «образа истинности» сближает видение истории как безусловной цельности, но понятие «образа истинности» более объемно, способно включать в себя понятие «габитуса» в качестве материально-социального контекста, объединяющего частные формы коммуникации;

2. Выявленный определенный тип «образа истинности» позволяет нам дедуцировать («расшифровать») внутреннее строение анализируемой целостности (цивилизация, общество, культура, эпоха и т.д.) на основе идеи «морфологического сродства», впервые последовательно и развернуто сформулированной О. Шпенглером, и основывается на аксиоматичности того, что любое направленное, осознанное (а в некотором смысле, и неосознанное) действие человека и общества стремится максимально соответствовать принципиальному «образу истинности» (т.е. предельному основанию бытия), а также воплощать его в действительность. При этом критерий соответствия заключается в максимальной выраженности в том или ином явлении, форме, сфере генетического родства с экзистенциальным допущением, метафизическим первоначалом. Поэтому, в любой сфере религиозноцентристского по типу «образа истинности» общества мы обнаружим явную сориентированность на сакральные, надличностные основания. В свою очередь, с такой же чистотой и последовательностью мы обнаружим сориентированность любой сферы природоцентристского общества на естественные, рациональные, антропоцентристские основания. «Морфологическое сродство» между принципом организации верховной власти и, например, приоритетным типом поведения заключается в том, что и то, и другое логически последовательно выводится из совершенно определенного «образа истинности»: в связи с этим историческое дедуцирование дает нам образ нормы, порядка, а индуцирование - образ частности, исключения,

даже казуса, что так же важно для истории, но только в подчиненном, служебном виде, а не в качестве системообразующего знания;

3. Знание доминирующего типа «образа истинности» и предопределяемого им внутреннего строения анализируемой целостности создают возможность для устойчивого, нерелятивного и вполне позитивного объяснения (интерпретации) любого отдельно взятого фрагмента исторического прошлого во всей его конкретности. На этом уровне происходит взаимодействие возможностей дедуктивного и индуктивного метода исследования, когда информационный массив исторической конкретики (факты) проходит осмысляющую экспертизу со стороны дедуктивно полученных фундаментальных параметров, определяющих исторический процесс в целом. В первую очередь, мы получаем возможность оценивать смысловую сторону поведения человека в истории в связи с четким представлением о фундаментальных принципах пространства, в котором он свободно действует, а не в несколько вульгарной причинно-следственной форме. В таком случае историк не упрощает человека, а учитывает присущую ему свободу воли, возможность выбора, всегда имеющуюся вариативность. В абсолютной системе координат, создаваемой дедуктивно-археологическим методом, каждый поступок человека получает возможность быть оцененным не произвольно-субъективно (на что вынуждает историков индуктивизм), а относительно предельных, абсолютных, неподвижных смысловых начал. Иными словами, дедуктивность фиксирует человека в истории за счет наличия, при всем разнообразии человеческой активности, устойчивого, безотносительного оценочного пространства. Выявление такого пространства - один из главных результатов применения нового метода познания исторической реальности.

Вторая глава «Дедуктивная археология» как комплекс методов исторического исследования интеллигенции» посвящена формализации «дедуктивной археологии» в качестве инновационного методологического комплекса, включающего в себя дедуктивно-моделирующий, дедуктивно-генетический и дедуктивно-структурный методы исследования исторического пространства, а также демонстрации его когнитивных возможностей в приложении к феномену интеллигенции.

Сущность дедуктивно-исторического подхода заключается в том, что опора на предельное допущение о природе исторической реальности описывает пространство изучаемого универсально, через взаимозависимость бинарных, исключаящих друг друга абсолютных оснований и в своей противопоставленности обеспечивает онтоло-

гическую полноту рассмотрения исследуемого объекта (Бог есть/Бога нет; в мире есть смысл/в мире нет смысла и т.д.). Именно дедуктивная методологическая диспозиция позволяет последовательно дедуцировать более частные уровни исторической реальности за счет комплекса более специализированных методов.

Дедуктивно-моделирующий метод позволяет формализовать историческое пространство с целью объективировать в его рамках само явление интеллигенции (или иное историческое явление), исходя не из произвольных допущений о природе интеллигенции, а из логики самого пространства, имеющего статус предельного.

Именно данный метод в наибольшей степени овещает специфику «дедуктивной археологии» как исследовательского принципа, формализуя историческое пространство на основе предельных допущений, обеспечивающих онтологическую полноту рассмотрения любых объектов, включенных в данное пространство. Не оставляет сомнения, что историческое пространство - это пространство, осложненное включением в него человека, лишенного опоры на инстинктивную программу деятельности. Исходя из этого, дедуктивная (опосредованная через сознание) реальность представляет собой: а) пространство переживания человеком неопределенности существования и, одновременно; б) потребности в обретении определенности существования, т.е. в обретении человеком (или коллективом) такого состояния, когда для него вполне ясным оказывается смысл существования и значимые параметры действительности. В этом случае человек обретает ценностный эталон, позволяющий осуществлять проблемный выбор в разнообразных ситуациях, а также осознанно планировать свою деятельность.

Стремление к достижению определенности существования реализуется в процессе решения взаимозависимых, взаимообусловленных задач – навигационной, коммуникативной и формативной. Они в совокупности определяют процесс историогенеза во всей его сложности. Они неизменны, актуальны и влиятельны для любой исторической эпохи и действующих в пространстве истории людей.

Решение навигационной задачи заключается в стремлении понять основополагающие параметры бытия, обрести состояние определенности существования. При этом речь идет не столько об эмпирическом контакте с действительностью, сколько о выработке представлений, о предельных основаниях данной в ощущениях реальности. Именно восполняя неизбежную навигационную потребность, человек соотносит себя с двумя возможными предельными допущениями о природе реальности - религиозноцентрическим или безрелигиозным. Эти положения, принципиально важные для выработ-

ки стратегии исторического поведения человека, одновременно взаимодопустимы и интеллектуально неразрушаемы. В этом их предельность и культурогенность. Навигационная потребность человека предопределяет его коммуникативную потребность, т.е. необходимость вступать во взаимосвязь с окружающим миром и себе подобными по поводу обретения смыслового основания существования.

В свою очередь, освоение действительности, в соответствии с принятыми предельными смыслами, задающими характер и направленность коммуникативных процессов, можно квалифицировать в качестве формативной потребности человека. В рамках решения данной задачи можно говорить о масштабировании действительности, которое заключается во внесении *меры*, т.е. определенного соотношения, соподчинения уровней и элементов реальности относительно организующего ее смысла/абсолютного основания. Возможными становятся различного рода градации, исходящие из четко установленных приоритетов.

Вследствие этого можно говорить о складывании коммуникативного формата как историко-культурной целостности, являющейся результатом решения проблемы упорядочивания и систематизации дектического (опосредованного в сознании) пространства, в рамках которого сознание оказывается связующим и конституирующим началом.

Он содержит в себе смысловую, логическую и конструктивную составляющие. Смысловая составляющая коммуникативного формата вытекает из решения навигационной задачи в рамках освоения дектического пространства и представляет собой определенное видение целей и смысла существования человека/общества. Именно формирование жизни и реальности в соответствии со смыслом и целью, являются главной отличительной чертой человеческого бытия в сравнении с животным, действующим по врожденной инстинктивной программе.

Логическая составляющая коммуникативного формата вполне корректно формализуется в последовательности воплощения Смысла и вытекающих из него логических следствий в пространство социального взаимодействия. Экономика, политика, социальные отношения, культура и т.д. являются только отдельными частными, специализированными формами коммуникации, играющими подчиненную роль в достижении главного результата - реализации цели и смысла существования. Конструктивная составляющая коммуникативного формата вытекает из решения задачи преобразования действительности в соответствии с логикой организующего Смысла и ее экспликация-

ми. Масштабирование как действие идеальное окончательно овеществляется в процессе конструирования как действию практическом. Управленческая структура, социальная стратификация, особенности хозяйственной практики и т.д. являются реализованными в действительности предельными принципами в рамках коммуникативного процесса. Естественно, что в рамках того или иного коммуникативного формата необходимы, в целях его поддержания и функционирования, сознательные, планомерные, настроенные на самовоспроизводство социально-культурные активности. Люди, связанные с данного рода институционализирующими практиками, могут быть определены в качестве коммуникаторов. В рамках определенностной матрицы эта функция принадлежит священнослужителям, а в рамках неопределенностной – интеллигентам/интеллектуалам.

Статус информации как таковой был крайне низок в традиционных обществах и в силу следующих факторов, напрямую связанных с их религиозной основой:

1. Наличие абсолютного смыслового центра мироздания позволяет через качественную метричность (мерность) организовывать окружающее человека пространство. Можно констатировать, что в иерархической социальной структуре и агиократической системе организации управления нет зон неопределенности, порождающих постоянную потребность в их информационном мониторинге. Как социальная, так и управленческая системы выстроены в соответствии со священным эталоном и не нуждаются в какой-либо корректировке со стороны повседневной реальности. Традиционный коммуникативный вектор предполагает, что статус действительности заведомо ниже статуса идеального. Положительным качеством для традиционного общества является неизменяемость, статичность, невнимание к изменчивой реальности ради верности неизблемому Абсолюту. Статичные традиционные общества, ориентированные на воспроизводство священного образца как в сфере устройства власти, так и в социальной стратификации, были практически равнодушны к текущей информации, опосредующей повседневность, ввиду ничтожности ее статуса и влияния в сравнении с высшей реальностью;

2. В соответствии с ведущим фактором (теоцентризм) эталонным являлся императивный тип поведения, при котором любая, даже самая неблагоприятная, конъюнктура не освобождала человека от обязанности поступать в соответствии с установленными образцами. Императивность поведения практически не оставляла человеку законного пространства для рефлексии, тем самым также объективно снижая ценность

информации. Основанием такого рода активности может быть только лишь нерелятивный абсолютный смысловой центр, задающий незыблемую систему координат для качественной оценки любого фрагмента реальности и режима поведения в ней. Следование этическому ориентиру осуществлялось в режиме безусловной обязанности, вне зависимости от степени ее формализации. Разумеется, что носители такого типа поведения относительно независимы от информационного обеспечения своей активности, так как их поступки зависят не от ситуационной оценки актуальности, а от абсолютных императивов в приложении к конкретной действительности.

3. Четкая система социальных корреляций, надежно фиксировавшая человека в действительности через разного рода обязательные функции (верующий, подданный, супруг, сосед, родитель, член сословия или корпорации и т.д.), объективно снижала возможность индивидуального поступка, проявления, а в связи с этим - и информационную заинтересованность. Возможности индивидуального поступка в соответствии с оценкой ситуации объективно снижались требованиями императивности. явление высокой социальной плотности объяснялось эффектом «распространяющейся определенности» через систему частных соответствий практически на все сферы человеческой активности.;

4. Пространственная адаптированность, связанная с низким уровнем миграции, незначительной дальностью перемещений, либо с полным отсутствием таковых. В первую очередь это было связано с максимальной определенностью основных параметров существования, весьма характерной для религиозноцентристских обществ. Императивный тип поведения и множество обязательных функций, которые человек обязан был выполнять в режиме ответственности перед обществом и собственным «образом истинности», также делали неприемлемым произвольное передвижение в пространстве.

5. Временная адаптированность традиционного человека, связана с существованием в двух режимах темпорального: а) сакральное время; б) замкнутый годовой природный цикл. Сакральное время ориентировало человека на пребывание в координатах трансцендентной истины, через вечно повторяющееся обращение к ее значимым элементам, опосредованным в религиозных праздниках и религиозных ритуалах.

Еще более очевидным был режим определенности, задаваемый замкнутым годовым природным циклом с его сменой времен года и, в соответствии с этим, различных видов трудовой деятельности и бытовой занятости. Таким образом, время для тради-

ционного человека было не длительностью, а константой, дополнительно указывающей на сущностное в реальности, что, повторяясь и не исчезая, делает ее зоной порядка и определенности.

Обобщив сказанное, можно утверждать, что древние, доиндустриальные общества являлись обществами предельной определенности, что, безусловно, снижало информационную зависимость как отдельного человека, так и общества в целом. Конечно, люди древности и средневековья интересовались происходившим вокруг них, но они гораздо меньше, чем современный человек, были зависимы от ситуации в определении линии своего поведения, сверяя ее с четким, буквальным следованием религии и сословному долгу. Поэтому в такого рода обществах не было сколько-нибудь серьезных генетических оснований для возникновения специфической группы информационных посредников, востребованность которых проявляется только в условиях крайне высокого уровня неопределенности существования и социальной потребности в его преодолении/смягчении.

Сформулированная нами модель религиозноцентристского коммуникативного формата создает методологическую возможность для определения исторической ситуации, когда западноевропейское католическое традиционное общество начинает утрачивать принципиальные системные параметры религиозноцентристского. «Совмещение» дедуктивной модели с массивом твердо установленных наукой фактов прямо указывает, что таким периодом является время Ренессанса, Реформации и Барокко. Преемственность и логическое единство указанных периодов позволило их объединить в рамках термина «Большое Барокко».

Становление нового типа коммуникативности, начавшееся в конце XVI - начале XVII вв., исходившее из неопределенности бытия и относительности его характеристик, обозначило становление нового типа общества, которое вполне корректно может быть названо информационным. Информационным обществом делается необходимость постоянного добывания информации как следствие неизбежной жизненной потребности отдельного человека и социума в целом.

Генезис информационного общества реально проявился в следующих взаимосвязанных процессах:

1. Утрата традиционным католическим обществом отчетливого религиозноцентристского основания в условиях реформационного раскола и интеллектуальных нехристианских спекуляций эпохи Возрождения.

2. Сосредоточение на материальной, чувственной стороне бытия как естественная реакция на кризис индивидуальной и коллективной традиционной картины мира. Реальность, доступная простому чувственному восприятию, остается последним бастионом для определенности человеческого сознания.

3. Инвентаризация реальности, институционализированная в форму так называемой «научной революции» XVII в.. Чувственное отношение к реальности, являясь средством преодоления кризиса определенности, связанного с эпохой Барокко, породило феномен науки как института новоевропейского общества, неизвестного другим культурно-историческим регионам. Наука развивается по двум направлениям: а) конкретно-экспериментальное воздействие на природу, и б) создание обобщающих теоретических систем, могущих восполнить для общества и человека функции утерянных истин веры в качестве абсолютного смыслового центра, ориентирующего в действительности (ньютоновская механика, коперниканство, философские системы Т. Гоббса, Р. Декарта, концепция «естественного права» Г. Гроция и т.д.).

4. Систематизация реальности. Ощущая свою потерянность и бессилие в бесконечном хаотичном мире, человек Большого Барокко проникается страстью к упорядочиванию, систематизации хотя бы той части пространства, которая непосредственно его окружает. Главным систематизатором социальных взаимоотношений становится совокупность элементарных договоренностей, формализующих принцип поддержания справедливости на основании секуляризации представлений о природе личного или общественного ущерба. Таким регулятором и систематизатором новоевропейского общества оказалось право в том его статусе, который не был известен религиозноцентристским цивилизациям.

5. Интимизация мировоззрения и культуры (по терминологии И.С. Кона), связанная с обращением человека к себе, к своим переживаниям, чувствам, фобиям и т.п. «Точечное» чувство человека Большого Барокко логически неизбежно порождало процесс автономизации морали, когда моральная оценка оказывалась зависимой в первую очередь от внутренних критериев конкретной личности, ее интересов и желаний. Мораль становится ситуативной в такой же степени, в какой ситуативным оказывается поведение человека формирующегося информационного новоевропейского общества. Смысловая неопределенность порождает не только ситуативный тип поведения, но, что вполне логично, его индивидуалистический характер.

В таких условиях возникает необходимость компенсации дефектов личной компетенции за счет регулярного привлечения информационных ресурсов в виде институционализированных инфо-услуг, т.е. лиц, сообществ, социальных групп, функцией которых становится удовлетворение этого специфического спроса. Именно потребность новоевропейского человека в регулярной инфо-компенсации собственной познавательной ограниченности стала главным онтологическим условием зарождения такой специфической социальной группы как интеллигенция, под которой следует понимать специфическую общественную группу, функцией которой является производство, передача, тиражирование и хранение информации. Тем самым, интеллигенция обеспечивает внутрисоциумную коммуникацию, а шире – функционирование данного типа общества.

Кроме того, в случае с новоевропейской интеллигенцией необходимо говорить об особых, благоприятных условиях для ее генезиса и институционализации а) пространственного, б) социального и в) ментального характера. Иными словами, социально-функциональная востребованность интеллигенции реализуется полноценно и непротиворечиво лишь только при наличии соответствующего историко-пространственного контекста.

Под *пространственными условиями* следует понимать ситуацию, при которой в рамках религиозноцентристского общества возникают зоны определенной асинхронности обычному порядку вещей. В средневековой Европе такими зонами становятся города.

Городское историко-культурное пространство напрямую связано и со складыванием *социальных* условий для генезиса и институционализации слоя инфо-посредников. Преимущественно здесь формируется общность, ставшая социальным материалом для кристаллизации протоинтеллигенции. Маргиналы обладали огромным потенциалом социогенности, общественной пластичности, в силу фактической денонсации ими традиционных социальных обязательств.

Более того, именно маргинальная среда с ее обреченностью жить вне «кристаллической решетки» поведенческих алгоритмов традиции выработала *ментальные* условия для генезиса интеллигенции. Маргинал, существуя и действуя в режиме неопределенности, вынужден ежечасно и ежеминутно продумывать тактику и стратегию своего поведения, овладевать всеми нюансами ситуации, предупреждая возможные последствия собственной активности и постоянно оценивая личную адекватность скла-

дывающейся конъюнктуре. Все это чрезвычайно благоприятствует переразвитости рефлексивных начал в ментальности маргинала.

В условиях информационного общества интеллигенция в рамках указанных социальных институтов предлагает членам социума следующие необходимые для существования в системе инновационной коммуникации (т.е. коммуникации по поводу неопределенности бытия в качестве смысло- и структурообразующего начала «образа истинности») *инфо-компоненты*: 1) актуальная конфигурация «образа истинности»; 2) вытекающие из инновационного «образа истинности» частные, специализированные кодификации нормативных порядков; 3) тематизированная информация прикладного, утилитарного характера.

Актуальная конфигурация «образа истинности» отвечает неустранимой потребности осознанно действующего индивида в сбалансированном, непротиворечивом мировидении. В рамках новоевропейского общества инфо-посредник осуществляет своеобразную «торговлю определенностью», реконструируя и редактируя в каждый данный момент реальности «индивидуальную карту действительности» (по терминологии Л. Фестингера) отдельного человека или коллектива.

Кодификация нормативных порядков как одна из важнейших функций интеллигенции прямо вытекает из ее социальных обязанностей и, одновременно, внутренних претензий по созданию для общества актуального «образа истинности». *Производство тематизированной информации утилитарного характера* является прямой, буквально повседневной, непосредственной социальной обязанностью интеллигенции в рамках современного секулярного общества.

Перефразируя определение интеллигенции за счет замены термина «информация» понятием, объясняющим саму информационную потребность, мы получаем функционально более адекватную дефиницию. В условиях современного (ноевропейского) общества интеллигент/интеллектуал - это тот, кто производит, хранит, тиражирует и реализует «определенность» требуемого формата.

Состояние определенности бытия входит в противоречие с корпоративными интересами инфо-посредников/интеллигенции, которые, как у любого посредника, заключаются в стремлении как можно дольше сохранять системные условия, когда его медиативные функции социально востребованы и непротиворечиво реализуемы:

а) условие функциональной востребованности. Востребованность интеллигенции коренным образом зависит от сохранения состояния тотальной неопределенности

существования, которое является для инфо-посредников социо- и функциогенным. Кроме того, от режима неопределенности всецело зависит аксиологический статус интеллигента в обществе, его самоидентификация и личные предпочтения. Современное общество, в силу привычки, не в полной мере сознает, насколько новоевропейский человек, зажатый в тиски ощущения абсолютной неопределенности внешнего мира и внутренней ограниченности собственной компетенции, оказывается зависим от информационного медиатора;

б) условие функциональной автономности. Стремление к сохранению неопределенности существования как главного для себя социо- и функциогенного состояния заставляет интеллигенцию активно противостоять редактуре инфо-пространства со стороны определенностных по своему характеру традиционных социальных структур и, в первую очередь, со стороны религии. Провозглашение интеллектуальной юрисдикции «ноевропейской науки» над религией, превращение религии в «еще один» информационный сегмент является вполне логичным стремление для коммуникатора-интеллигента. Естественно, что наличие абсолютных, неизменных, определенностных истин (догм) объективно препятствует самозаконности инфо-пространства, затрудняя интеллигенции получение «неопределенностной ренты»;

в) условие функциональной мобильности. Функции интеллигенции непротиворечиво реализуемы только в обществе инновационного типа, представляющем собой структуру, обеспечивающую прежде всего интересы информационного обмена в условиях принципиальной неопределенности бытия и относительности любых его характеристик. Важно отметить, что логика функционирования обществ новоевропейского типа вела их по пути так называемой «информатизации». Мы употребляем этот термин не в привычном значении, связывающим его с процессами компьютеризации, а в историко-теоретическом смысле, означающем насыщение всех сфер жизни общества коммуникацией инновационного типа и последующими за этим социальными трансформациями.

Полученные результаты теоретического осмысления феномена интеллигенции в целом стали возможны в связи с применением применения комплекса методов, условно называемых «дедуктивной археологией»: дедуктивно-моделирующий метод позволил формализовать историческое пространство, базирующееся на двух предельных коммуникативных форматах; в рамках одного из них - неопределенностного (безрелигиозного) - интеллигенция обретает максимально объективную диспозицию в каче-

стве коммуникатора/информационного посредника; дедуктивно-генетический метод дает возможность обозначить зарождение и проследить зарождение и начало формирования интеллигенции как специфической социальной группы в момент трансформации западноевропейского религиозноцентристского общества в общество новоевропейское (безрелигиозное) и выявить условия данного процесса; дедуктивно-структурный метод позволил, отталкиваясь от выявленной природы исторической реальности, и исходя из ее структуры, соответственно подвергнуть анализу и структуру исторического явления интеллигенции, получив представление о ее природе, социальных функциях и корпоративных интересах.

В третьей главе «Российская интеллигенция как объект дедуктивно-исторического познания» на основании применения дедуктивной методологии на общетеоретическом и междисциплинарном уровне выявляется специфика исторического пространства зарождения и формирования собственно российской интеллигенции. Кроме того, с помощью дедуктивно-генетического, дедуктивно-моделирующего и дедуктивно-структурного метода раскрываются особенности российской интеллигенции на данном этапе.

Специфика коммуникационных контактов/конфликтов (к которым и относится вестернизация) заключается в том, что ментальные процессы и их результаты оказываются более фундаментальными и влиятельными в сравнении с частными реформаторскими проектами и алгоритмами прикладного характера, которые как раз и попадают обычно в поле внимания исследователей. Строго научное овладение проблематикой вестернизации, тем более в ее частных приложениях, невозможно без реального понимания и учета пространства, задающего тот или иной цивилизационный формат.

Переходя к анализу процесса вестернизации, необходимо подчеркнуть, что столкновение так называемых «коммуникативных форматов» вполне подчиняется логике «несоизмеримости структур», отмеченной П. Фейерабендом. Совмещение таких структур может быть только конфликтным и бескомпромиссным, и интрига взаимодействия будет заключаться только в том, принципы какой структуры окажутся отмеченными.

В нашем случае характер взаимодействия двух коммуникативных цивилизационных форматов обусловлен их способностью воспринимать и адаптировать «новое» как «иное». В этом смысле инновационная коммуникация отличается высокой степенью структурной устойчивости и эластичности. Неопределенность как ее фундамен-

тальное организующее основание обладает следующими характеристиками к адаптации «нового»: 1) «принимает» и «вмещает» любое количество «сигналов» извне безотносительно к их конфигурации (это связано с тем, что инновационная/неопределенностная коммуникация базируется на представлении о том, что ничего не известно наверняка, а все известное относительно, и никакой новый квант информации, даже теоретически, не может разрушить такое коммуникативное основание, кроме как его усилить; 2) адаптация новых «сигналов» никак не зависит от их сочетания с базовыми основаниями коммуникация, так как неопределенность в смысловом плане предельно валентна; 3) функционирование новых «сигналов» и даже создание на их основе новых смысловых конструкций вовсе не требует согласования с другими агентами коммуникации и даже может им противоречить, не разрушая своеобразной целостности данной системы. Более того, именно такой режим взаимодействия с «новым» как «иным» воспроизводит и укрепляет инновационную коммуникацию как определенным образом организованное отношение к действительности.

Напротив, религиозцентризм как определенностное/истинностное коммуникативное основание по своей природе и логике гораздо сложнее взаимодействует с «новым», тем более «иным»: 1) «прием» новых «сигналов» жестко и определенно ограничен параметрами Абсолютной Истины, заданными системой легитимной интерпретации со стороны религиозного канона. В таком обществе, где религия играет смысло- и структурообразующую роль, восприятие «нового» всегда оказывается в большей или меньшей степени проблемой сохранения чистоты веры; 2) адаптация новых «сигналов» зависит от их сочетания с образующими началами религиозцентристской коммуникации, поэтому новая информация обязательно проходит через экспертизу канона. При этом оценка новой информации невозможна без процесса сравнения, что объективно способствует в этом случае деабсолютизации сакральных ценностей, вне зависимости от субъективных намерений, направлявших деятельность экспертов. В качестве иллюстрации можно вспомнить события, связанные с реформами патриарха Никона и последовавшим за ними расколом внутри православной церкви. «Книжная справа», несмотря на ортодоксальность, которая двигала всеми участниками процесса, серьезно поколебала не только устои церковной жизни, но и социальную монолитность московского общества; 3) функционирование новых «сигналов» невозможно без учета *практически всей* системы значений традиционной коммуникации, чтобы не иметь статуса «инородного» элемента. Трагическая противоречивость данной ситуа-

ции заключается в том, что органическое включение «нового» как «иного» в систему религиозноцентристской коммуникации возможно, если оно перестанет быть именно «новым». В ином случае любой, даже кажущийся частным/техническим элемент новоевропейской инновационной коммуникации, оказавшись в традиционной среде, может инициировать опасные резонансные процессы.

Неизбежный процесс *согласования* двух коммуникативных форматов, начиная от системообразующих оснований и заканчивая частными следствиями, подчиняясь логике «несоизмеримости структур», порождает качественно новую коммуникативную ситуацию, в рамках которой диспозиции «иного» существенным образом меняются, не оставляя без изменений и саму традиционную коммуникацию. Механизм взаимодействия традиционного и инновационного, исходя из их возможностей адаптации «нового» как «иного» носит явно *асимметричный* характер. Инновационная коммуникация легко «впитывает» и «обезвреживает» аргументы традиции, превращая их в аргументы, подтверждающие именно новоевропейское отношение к миру и человеку. Новоевропейский человек таков именно потому, что все слишком относительно и противоречиво, отсутствует однозначный определенный порядок. Поэтому знакомство с «иным» не разрушает, а еще более подтверждает правильность его логики отношений с миром. Напротив, религиозноцентристская коммуникация любые инновационные аргументы переживает как неизбежный повод к ревизии собственных оснований, которая, в свою очередь, порождает ощущение сомнения, двусмысленности, относительности того, что может быть только абсолютным. При этом для рассогласования традиционной коммуникации, особенно на начальных стадиях этого процесса, вовсе не обязательно опровергать ее абсолютное основание. Вполне достаточно выработать привычку оперативно игнорировать это основание для сосредоточения на той или иной актуальной инновационной тематике (реформирование военного дела, создание системы образования, развитие наук и т.д.).

Асимметрия в отношении к «новому» как «иному» в конечном счете дает нам основание утверждать, что инновационная коммуникация, строго говоря, не столько взаимодействует с традиционной, сколько разрушает, перерождает ее.

Таким образом, пространством зарождения и началом формирования российской интеллигенции было пространство взаимодействия и согласования двух несоизмеримых по отношению друг к другу исторических коммуникативных форматов.

В этом случае любые инновационные коммуникации (к которым вполне можно отнести интеллигенцию) оказываются в сложной системной ситуации. Они объективно нарушают и разрушают легитимную логику традиционной коммуникации и, в свою очередь, вне зависимости от осознанности, отторгаются ею. Данные признаки ситуации неизбежно должны сказываться на мироощущении и особенностях социально-исторической практики интеллигенции.

Говоря в целом о исследовательских результатах данной главы, можно указать, что применение дедуктивно-моделирующего метода позволило формализовать специфику, генерировавшее российскую цивилизацию, как пространство переходного вестернизационного типа, т.е. развивающегося в сторону приобретения качеств новоевропейского общества, но, одновременно, сохраняющего различного рода структуры традиционного общества в условиях разрушения традиционной коммуникации как универсальной организующей. В свою очередь, дедуктивно-генетический и дедуктивно-структурный методы выявили особенности российской интеллигенции как относительно искусственного социального тела, порожденного в рамках проекта государственной вестернизации, но в силу исторических особенностей оказавшейся способной влиять и трансформировать данные процессы в соответствии с собственными социальными особенностями и пристрастиями (вплоть до начала выработки нелегитимного формата вестернизации в форме революционного движения).

В заключении диссертации подведены итоги исследования и обобщены его результаты.

Достижение познавательной цели, сформулированной в данной работе и связанной с последовательным решением ряда научно-исследовательских задач, дает нам основания сделать следующие выводы.

Анализ концептуальных принципов современной исторической науки позволяет нам констатировать наличие методологического кризиса, связанного с эпистемологическими дефектами следующего характера: господство индуктивизма, держащегося на скрытых произвольных допущениях в качестве предпосылочного знания; переизбыток интерпретаций, вынужденное умножение сущностей и смыслов, превращающее историю в науку мнений; тенденция «потери» предмета науки в ситуации неограниченного отчетливыми теоретическими основаниями интерпретационного произвола.

К сожалению, перечисленные приметы методологического кризиса в целом характерны и для ситуации в отечественной историографии интеллигенции. Это, в пер-

вую очередь, касается представлений о природе интеллигенции, ее генезисе, социальных функциях и корпоративных интересах. На наш взгляд, вполне очевидно, что проблема формализации понятия «интеллигенция» связана с гораздо более глубокими трудностями, чем это можно казаться в первом приближении. Сложности заключаются в дефиците определенностных представлений о собственно историческом пространстве как пространстве специфицированном, а также в недостатке методологической строгости относительного самого общества как социализирующего контекста, генерирующего любые социальные частности. К такому выводу приводит парадоксальное обстоятельство, что при избытке положительных данных по теме уровень содержательной неопределенности весьма высок. В этом случае исследовательская логика сигнализирует о недостатке именно объективных классификаторов.

Сложившаяся теоретико-методологическая ситуация ставит вопрос о кардинальной смене концептуальных оснований в исторической науке. В первую очередь, это означает отказ от выстраивания исследовательской стратегии на произвольных допущениях в качестве предпосылочного знания и опору на предельные теоретические допущения, т.е. возвращение в историю дедуктивной исследовательской логики как смысло- и системообразующей. В работе выработан авторский дедуктивно-теоретический принцип в качестве основы для новых методов исторического исследования (в том числе и исследования интеллигенции), а также разработано его теоретическое и практическое обоснование вплоть до конкретного алгоритма использования в виде последовательности методологических операций в реальном историческом материале.

Дедуктивно-исторический принцип в качестве нового концептуального основания методологии истории формализован как методологический комплекс, включающий в себя дедуктивно-моделирующий, дедуктивно-генетический и дедуктивно-структурный методы исследования.

Предлагаемый нами в качестве базового дедуктивно-моделирующий метод позволяет формализовать историческое пространство требуемого разрешения для объективации любого исторического явления, отталкиваясь от предельного допущения о природе реальности. В этом случае мы создаем реальный объективный классификатор, координатную сетку для определения статуса любого участка исторической действительности.

Отталкиваясь от предельного допущения о природе реальности, мы обнаруживаем, что историческое пространство организуется в двух возможных коммуникативных форматах: религиозноцентристский формат (или определенностная оперативная матрица) или безрелигиозный/информационный/инновационный формат (неопределенностная оперативная матрица).

Каждый из форматов является конкретным результатом решения проблемы систематизации и упорядочивания пространства, в рамках которого сознание оказывается конституирующим началом, а также содержит в себе смысловую (представление о цели и смысле существования человека/общества), логическую (последовательность воплощения смысла в пространстве социального общения) и конструктивную (преобразование действительности в соответствии с логикой организующего смысла) составляющие. Коммуникативный формат опосредован и закреплён как в индивидуальном («образ истинности»), так и в коллективном («культурная память») сознании.

В изложенных рамках интеллигенция в качестве социального явления, исторически непротиворечиво относится к безрелигиозному информационному формату, и неорганична в рамках религиозноцентристского, по существу – безинформационного, общества.

Дедуктивно-генетический метод даёт возможность реконструировать динамику зарождения и начало формирования интеллигенции, опираясь на объективированную дедуктивно-моделирующим методом статику коммуникативных форматов. Точкой отсчёта для отслеживания генезиса интеллигенции оказывается момент, когда регулярное, последовательное привлечение инфо-услуг становится сущностной стороной индивидуальной и коллективной коммуникативной активности. С высокой точностью можно утверждать, что таким моментом в истории европейского (католического) религиозноцентристского общества стала эпоха Большого Барокко, включающая в себя позднее Возрождение и раннее Просвещение. В нашем случае дедуктивная методология обеспечивает необходимую данному методу статику, устраняющую расплывчатость и неопределённость, присущие его индуктивистской версии.

Дедуктивно-структурный метод на основании объективации феномена интеллигенции в статике формализованного исторического пространства и динамике генетического процесса даёт нам возможности детализации внутреннего порядка исследуемого явления. Объективирующими коррелятами аналитических операций становятся, с одной стороны, полученное нами устойчивое безотносительное представление о

природе социально-исторической реальности, формирующей информационные потребности индивидуального и коллективного характера, а, с другой стороны – информационные посредники, институционализированные данными ожиданиями, удовлетворяют в соответствии с «образом истинности» людей информационного безрелигиозного общества. В результате внешние ожидания и потребности формируют функции интеллигенции, а ее корпоративные интересы в большей степени оказываются связаны не столько с интересами общества, а сколько с интересами сохранения конституирующих ее как специфическую группу интересов. Поэтому адекватное существование в рамках неопределенностного коммуникативного формата немислимо без постоянногo привлечения инфо-ресурсов, а значит, услуг инфо-посредников, а они, в свою очередь, будут заинтересованы в сохранении инициализирующей их существование общественной потребности.

В рамках решения задачи по выявлению и демонстрации когнитивных возможностей дедуктивно-исторической методологии относительно актуальных проблем теории интеллигентоведения мы не могли не затронуть историко-теоретический сюжет о зарождении и начале формирования интеллигенции в России, являющийся частным вариантом генезиса интеллигенции в условиях вестернизационных процессов.

Применив дедуктивно-моделирующий метод для формализации исторического пространства зарождения и формирования российской интеллигенции, мы выявили крайне сложный, противоречивый, чреватый конфликтами гибридный вариант социальной действительности, сформировавшийся в пространстве согласования религиозно-центристского и безрелигиозного коммуникативных форматов. В свою очередь, применение дедуктивно-генетического и дедуктивно-структурного методов дает нам основания утверждать, что временный, переходный, гибридный формат создает крайне противоречивую среду для бытования интеллигенции в качестве инфо-посредника.

Стоит отметить, что в незападных обществах феномен революционаризма (от «радикального» до «умеренного») и является спецификой социокультурной активности интеллигенции в ситуации вынужденной вестернизации. Типологическое исследование организационных структур отечественного революционного движения и, шире, особенностей российского революционаризма позволяет нам сделать следующие выводы. В основе феномена российского «освободительного» движения лежит, прежде всего, крайний революционаризм отечественной интеллигенции. Революционность интеллигенции была заложена в самой ситуации отчуждения ее как социального слоя

от традиционных структур российского общества и заключалась в чрезвычайной затрудненности в этих условиях автономного воспроизводства себя по своим собственным стандартам.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Уваров П.Б. Вестернизация как коммуникативная проблема: российский формат // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 2. 2005. № 11. С. 169-186 (1,5 п.л.).

2. Уваров П.Б. Информационное общество как неопределенностная коммуникативная система // Вопросы культурологии. 2010. № 8. С. 9 - 13 (0, 45 п.л.)

3. Уваров П.Б. Исторические условия зарождения интеллигенции: проблемно-генетический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Серия 15. Вып. 40. С. 133-142 (0, 95 п.л.).

4. Уваров П.Б. «Не иносказаниями говорим мы с вами, но обещаем привести вас к простому и понятному толкованию, объяснению и познанию всех тайн» (к вопросу об историко-культурных функциях интеллигенции) // Клио. Журнал для ученых. 2010. № 2. С.73 – 80 (1,25 п.л.).

5. Уваров П.Б. Феномен «общественного мнения» как специфическая сторона процесса институционализации интеллигенции в эпоху Нового времени // Социум и власть. 2010. №2. С. 97 – 100 (0,4 п.л.).

6. Уваров П.Б. «Дедуктивная археология» как принцип исторического познания: сущность и когнитивные возможности реконструкции прошлого // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, МаГУ, 2010. №3. С. 54 - 68. (1,1 п.л.).

7. Уваров П.Б. «Когда истина обнаружена, она налагает ограничения на мысли людей» (к вопросу корпоративных интересов интеллигенции) // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, Горно-Алтайский гос. ун-т, 2010. № 4 (август). Ч.2. С. 262 – 266. (0,7 п.л.).

Монографии:

8. Уваров П.Б. Интеллигенция и революционные формирования (конец 20-х – конец 60-х годов XIX века) – Челябинск: Издательство ЧГПУ «Факел», 1998. – 144 с. (8,1 п.л.)

9. Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. – М.: АИРО-XX, 2005. – 200 с. (12 п.л.)

Другие публикации:

10. Уваров П.Б. Философ нежных идей // Знание – народу. Ежемесячник Правления общества «Знание» РСФСР. 1990. №6. С. 36-39 (0,4 п.л.).

11. Уваров П.Б. Арборе-Ралли // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 100-101 (0,07 п.л.).

12. Уваров П.Б. Неизвестная статья В.В.Розанова // Исторические науки. Вестник Челябинского государственного педагогического института. 1995. №1. С. 144-146 (0,2 п.л.).

13. Уваров П.Б. Мистификация как специфический язык управления в революционных структурах (Человек в условиях конспиративной структуры) // Материалы конференции по итогам научно-исследовательских работ преподавателей, сотрудников и аспирантов. Челябинск, 1995. С. 87 – 95 (0,8 п.л.).

14. Уваров П.Б. Русская интеллигенция и революция // Исторические науки. Вестник Челябинского государственного педагогического института. 1995. №1. С. 39-49 (0,8 п.л.).

15. Уваров П.Б. Заичневский (энциклопедическая статья) // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. С. 214-215 (0,10 п.л.).

16. Уваров П.Б. Заичневского – Аргиропуло кружок // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. С. 215 (0,06 п.л.).

17. Уваров П.Б. Ишутин //Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. С. 413-414 (0,06 п.л.).

18. Уваров П.Б. Ишутинцы //Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. С. 414 (0,12 п.л.).

19. Уваров П.Б. Критских кружок // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 156 (0,06 п.л.).

20. Уваров П.Б. Историко-социальная функция интеллигенции: критический аспект // Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Тезисы докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 80-летию сборника «Смена вех», первого – второго июня 2001 г. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. С. 128-129 (0,10 п.л.).

21. Уваров П.Б. «Коварство времени и сумрачность пространства», или Генезис информационного общества // Человеческое измерении истории и культуры. Сб. научных статей. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001. С. 151-174 (1,36 п.л.).

22. Уваров П.Б. Проблемы современного исторического познания//Проблемы российской истории. Вып.1. Магнитогорск: МаГУ, 2002. С. 46-58 (1,11 п.л.).

23. Уваров П.Б. Цивилизация определенности: опыт введения в традиционалистику // Вестник Челябинского университета. Серия 10. 2002. №1. С. 54-67 (1 п.л.).

24. Уваров П.Б. Информационное общество, информационная потребность и проблема неопределенности // Новые университеты: роль информационных технологий в становлении гуманитарного образования: Материалы региональной научно-практической конференции. Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2003. С. 33-41 (0,5 п.л.).

25. Уваров П.Б. Неизвестное прошлое: основы традиционалистики // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Сб. мат. II Урало-Поволжской исторической конф. молодых исследователей (12-13 апреля 2006 г., Челябинский государственный педагогический университет). Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2006. С. 9 – 14 (0,5 п.л.).

26. Уваров П.Б. Скульптор китайской цивилизации: этюд о структуре социогенеза // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Мат. III Междунар. научно-практической конф. молодых исследователей, 11-12 апреля 2007 г. Челябинск: Изд-во Челяб.гос.пед. университет, 2007. С. 31 – 47 (1, 4 п.л.).

27. Уваров П.Б. Коммуникативный формат как матрица исторического процесса // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Мат. IV Междунар. научно-практической конф., 7-8 апреля 2008 г. Челябинск: Изд-во Челяб.гос.пед. ун-та, 2008. С. 45 – 63 (1,6 п.л.).

28. Уваров П.Б. Коммуникативный формат и коммуникаторы: священство и интеллигенция // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Мат. V Междунар.науч.-практ. конф. 21 – 22 апреля 2009 г. Челябинск: Изд-во Челяб.гос.пед. ун-та, 2009. С. 47-63 (1,5 п.л.).

29. Уваров П.Б. Роль интеллигенции как неформального экспертного сообщества в процессе имперской вестернизации России // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. Т. XVI. М.: Университетская книга, 2009. С. 174- 189 (1,6 п.л.).

Подписано в печать 09.08.2010.

Формат 60 х 90/16. Объем 2.0 уч.-изд.л.

Тираж 100 экз. Заказ № 50.

Бумага офсетная.

Отпечатано на ризографе

в типографии ГОУ ВПО ЧГПУ.

454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.